

«ВОСПИТАННЫЙ СЕМЬЕЙ, НАРОДОМ, ИСТОРИЕЙ...»

*Кто схимой Солнца облечен –
На жертву Солцу обречен...*

Вяч. Иванов, «Solus» (1912)

А.С. Пушкин в июне 1824 года в письме своему другу, князю П.А. Вяземскому обмолвился: «Критики у нас, Чувашей, не существует...» Почему так писал Пушкин и что он имел в виду, мне судить трудно. У нас же, действительных чувашей, даже в середине 50-60-х годов XX века не было не только критики*, но и чувашской истории, социологии, культурной антропологии, этнологии, не говоря уж о семиотике и философии (последняя-то была, но общей для всех, в виде сплошного «мата»: диалектического, исторического, других философий мы не знали). Во время кратковременного периода «оттепели» что-то изменилось и увидели свет монографии, которые могли подвигнуть читателя в сторону гуманитарного знания. Среди них особо выделялись «Чувашская народная педагогика» (1958) и «Этнопедагогика чувашского народа. В связи с проблемой общности народных педагогических культур» (1966) Г.Н. Волкова. Обе книги вышли под редакцией корифея чувашской лингвистики Василия Георгиевича Егорова. Я читал и штудировал их примерно в начале 70-х годов и тогда они воспринимались мною, неофитом, как некое откровение, своего рода чувашское Евангелие от Волкова, потому что по страницам этих книг были рассыпаны щедрой рукой сеятеля зерна чувашского мировосприятия, знания и миропонимания и даже в определенном аспекте философии, ставящей вопросы о смысле, ценности и цели жизни, исходящей из непосредственного переживания, чувства и творческого опыта**. Тогда я слабо стал осознавать, что значит **«быть чувашом и как важно быть чувашом»**.

Чуваш стремится понять жизнь из нее же самой, из ее естества, поэтому он не приемлет насилия над травинкой, деревом, животным, другим человеком и тем более самим собой. Чувашский труд, этика и эстетика - это основы жизнеустройства. Жить – не оторванно от природы, в непосредственной связи с ней, в постоянном труде, соблюдая обычаи и не нарушая традиций, почитая богов и внимая наставлениям старших, воспринимая мир как чудесное творение и чувствуя одушевленность природы (чувашский пантеизм?), «родство со всем живущим» - вот идеальный образ чувашского бытия и быта. Геннадий Никандрович выводит такое уравнение (он же математик по своему базовому образованию) общей этнопедагогики:

---

* То, что называлось «литературной критикой», в то время изобиловало издержками вульгарного социологизма и не ставило целью анализ собственно художественного (поэтического) текста.

** Г.Н. Волков любит приводить слова «великого педагога, философа, народного просветителя...гениального писателя» Л.Н.Толстого об умном чуваше: «Убедить меня может только то, что я сам сознаю и могу проверить рассуждением и внутренним опытом».

- без памяти нет традиций
- без традиций нет культуры
- без культуры нет воспитания
- без воспитания нет духовности
- без духовности нет личности
- без личности нет народа (как исторической личности).

...Этнопедагогическая пансофия Волкова началась с бабушки Прасковьи Филипповны Волковой, ее наставлений и поучений, была продолжена материнской, семейной педагогикой и дополнена «уроками» у сельских стариков. «Перед моими глазами проходят дорогие мои старики, жившие на улице Добрых людей, которая называлась *Йӓлӓмкас*. *Йӓлӓм* – это мир, тишина, покой, созданный добротой людей. Моим старикам сегодня вместе более тысячи лет. Тысячелетия они несли на себе. Ты-ся-че-летия... Тысячелетние нравственные ценности, духовные сокровища. Лиши меня их – и расшатается мой дом, в котором живу, рухнет мой мир, в котором я пребываю, исчезну я и сам» (Обыкновенное дело педагога).

Уже в первых своих откровениях, а это было, как мы видим, более полувека тому назад! – он проследил весь жизненный цикл становления человека: от рождения ребенка, нахождения его в тепле и ласке материнской «школы», прохождения им физического, трудового, нравственного и эстетического воспитания, самовоспитания в среде своих сверстников – детей, постепенного освоения совокупного (цельного) знания о природе, человеке, народе и обретения сознания родственности между членами семьи, рода – общества – до исполнения обязанностей по отношению как к живым, так и ушедшим, к Универсуму в целом. В этом непрерывном процессе индивидуум должен стать в идеале *совершенным человеком*. Таким образом воспитуемых и самовоспитующихся (на примере и любви) Г.Н.Волков называл даже «детьми Солнца» (Солнце как вселенская мать – *пӓтӓм тӓнчене сӓтатса тӓракан сӓттӓн Амӓшӓ – Хӓвел*).

Для Волкова педагогика – это дело всей его жизни и прежде всего любовь. Недаром его двухтомник, изданный в Москве братьями, единомышленниками якутами (саха) так и называется «Педагогика любви» (2002). А до этого были «Обыкновенное дело педагога», «Педагогика жизни», «Юманпа Хӓвел», «Созвездия Земли» (роман-эссе) и много других книг, а также сотни статей, опубликованных по всем градам и весям Советского Союза, за рубежом. Как деятельный этнопедагогический миссионер он прочел тысячи и тысячи лекций перед самыми разными аудиториями. В результате этого подвижнического труда и любви образовался духовный орден Волкова, объединяющий его учеников и соратников.

Для Волкова неприемлема абстрактная педагогика. Сердцевина воспитания, как уже сказано, любовь, и потому педагогика есть текущее, неделимое многообразие, не всегда поверяемое разумом (*ratio*). Поведение, слово, мысль и действия Учителя определяет нечто, мерцающее трепетным пламенем свечи в глубине сердца, а огонь вдохновения все равно падает с Неба. Потому педагогика Волкова – автобиографична, личностна и интимна. От сердца к сердцу...

Основываясь на традиции чувашской народной системы воспитания (естественной, «материнской» > семейной > общинно-родовой), через опыт великих учителей Яна Амоса Коменского, Жана-Жака Руссо, Константина Ушинского, Ивана Яковлева, Януша Корчака, находя в

школьной, светской, религиозной (Сиддхартха Гаутама – Будда, Иисус Христос, Мухаммад как духовные учителя человечества) педагогиках и даже в «Великом Джасаке» - своде наставлений и законов Чингисхана - принципы и элементы народного педагогического творчества, Волков выходит на уровень общечеловеческого, осознавая единство рода людского и в конечном итоге общность педагогических культур самых разных этносов, и говорит в начале XXI столетия о *педагогике национального спасения*.

Общечеловеческой является и давно лелеемая им мысль-мечта-идея-гуманистическая утопия о «педагогике Солнца». И на протяжении более чем полувека он неустанно возвращается к ней.

Другой, столь же интимно выношенной (выстраданной), в учении Волкова является «идея совершенства человеческой личности» и, соответственно, программа воспитания совершенного человека, которая потенциально содержится во внутренних возможностях национальных культур, в коллективных устремлениях и этнопсихологических установках разных народов.

Эти два слагаемых и являются краеугольными камнями в *Summa Pedagogiae* для всего человечества.

Представляя идеальную чувашскую программу совершенства, Волков выделяет в ней три фундаментальных концепта:

три добра (*ырă шухăш, ырă сăмах, ырă кăмăл*),
девять доблестей мужчины,
семь благословений (*сичĕ пил*)
и отдельно *кăмăл*,

в котором сосредоточены ощущения, воображение, чувства, воля, характер, нравственные качества, весь духовный облик человека как результат умственного, трудового, эстетического и, прежде всего, этического воспитания.

Эта идея имеет глубокие корни. Уже в древнекитайской традиции Кун-цзы/Конфуций (551-479 гг. до н.э.), размышляя об обществе и человеке, определял пять добродетелей (долг > справедливость, чувство родства, доблесть, обычай (ритуал), знание) и выделял категорию совершенного человека (*шэньчжэнь*) и «благородных мужей», которые и должны были быть правителями государства. Чжуан-цзы (389-286 гг. до н.э.) и других философов – приверженцев Дао - более интересовал принцип природосообразности, и они позиционировали «истинного человека» (*чжэньчжэнь*)*, добавляя также категории «высшего человека» (*чжисжэнь*) и «великого человека» (*дажэнь*). Вообще в чувашской народной культуре на уровне коллективного бессознательного явно прослеживаются отголоски древнекитайского миропонимания - даосизма, конфуцианства и, может быть, в меньшей степени чань (> дзэн) – буддизма.

Проект «педагогики Солнца» также укоренен в общечеловеческой памяти. Задолго до появления мировых религий. Древняя малоазийская словесность на хурритском и хеттском языках свидетельствует о наличии культа Солнца, стихотворные хеттские гимны богу Солнца связаны с аккадскими (вавилонскими) гимнами богу Шамашу. Гимны Солнцу периода Среднехеттского царства (XV век до н.э.) и хронологически близкие им египетские солнечные гимны позднее отразились и в

* Чуваш. *чăн-чăн сын>чăн-чăн чăваш.*

библейских псалмах (~ X век до н.э.). В Египте при фараоне Аменхотепе IV (Эхнатоне) впервые в истории утверждается монотеизм – религия поклонения Солнцу (Амон-Ра), «одному единственному». Солнце сотворило все существа, включая людей, домашних животных и зверей, и оно же выступает «пастухом людей (человечества)*» – так говорится и в «Авесте», и в шумерских, древнейших индоевропейских, аккадских сакральных текстах. Цари и фараоны государств Передней Азии и Египта находились под покровительством небесного царя – Бога Солнца и уподоблялись ему (новохеттские цари себя так и называли «Мое Солнце»), или же царь (фараон) выступал как сын Бога Солнца. Также и правители инков считались «детьми Солнца».

Солярные мифы сохранились в культуре многих народов мира. Так у славян Солнце – это источник жизни, тепла и света. Византийская и древнерусская гимнография уподобляла Христа «праведному солнцу», а иногда Иисус назывался даже «Богом-солнцем». Правда, парадоксальный русский философ Василий Розанов (1856-1919) писал, что с христианством «получилась цивилизация со стоном» (Апокалипсис нашего времени, 1917-1919). А в выпуске № 10 того же «Апокалипсиса...» он просто возопил:

«Попробуйте распять солнце,
И вы увидите – который Бог».

В энциклопедическом словаре «Славянские мифологии» (М., 1995) приводится такое наблюдение: «Во Владимирской губернии при виде восходящего, а также и заходящего Солнца крестьяне снимали шапки и истово молились «на солнышко». На него же и молились, находясь в поле, в лесах или лугах».

Много примеров почитания Солнца мы найдем и в чувашской народной словесности. Их отчасти приводит Г.Н.Волков в своей «Чувашской этнопедагогике». Поэма «Нарспи» вся пронизана солнечным светом, несмотря на трагизм разворачивающейся ситуации, и Солнце выступает символическим медиатором тех или иных событий, в том числе и ведущих к гибели главных героев. Ср. у Волкова: «В вопросах жизни и смерти нет эпизодов – есть события. Кажется, это в народной педагогике всегда вполне определенно осознавалось» (Педагогика любви). Кесьтентин Иванов также осознавал это, но признавал Солнце как высшую силу. В разряд высшего божества возведено Солнце («o Beatitudo – Светило!») во многих стихотворениях Геннадия Айги, особенно в цикле «Пора благодарности» (1976-77). Вот только один текст:

шествование Бога мерцает среди них золотыми метафорами
в скромности равное Солнцу-Светилу и солнцу душевному
существованья любого

(Страничка с соснами, 1977)

Не забудем и о «Гимне брату Солнцу» (Cantico di frate Sole) Святого Франциска Ассизского (1181-1226), переведенного на чувашский язык тем же Г. Айги.

В русской поэзии начала XX века «господствует своего рода солнце-

* Г.Н.Волков пишет, что у чувашей был особого рода воспитатель «ача кётүши» (pastor parvulorum см: Ашмарин «Thesaurus...». Liber II. С. 164.

поклонничество», особенно в кругу поэтов-символистов. Бальмонт, Брюсов, Белый, Вяч. Иванов слагают гимны Солнцу. «Дети солнца» было расхожим обращением в их лексиконе:

Дети Солнца, не забудьте голос меркнувшего брата... (К. Бальмонт);
Дети солнца! Вновь холод бесстрастья... (А. Белый);
Только не бойтесь себя, дети правды и солнца!... (А. Добролюбов);
Вы дети-отступники Солнца... (Вяч. Иванов).

Ср. также заглавие пьесы М. Горького «Дети Солнца» (1905). Можно считать это солнцелюбие поздней реминесценцией семантики солярных мифов. Правда, следует признать, что смысл, вкладываемый символистами в это выражение, был далеко не педагогическим. Это был своего рода знак особо избранных, интеллектуально-культурной элиты.

Сам Волков генеалогию «педагогике Солнца» возводит к «Городу Солнца» (Gitta del Sole) итальянского философа-доминиканца Томмазо Кампанеллы (1568-1639).

* * *

На протяжении своего творческого пути Геннадий Никандрович по его собственному счету прожил несколько биографий: чувашскую, татарскую, русскую, немецкую, якутскую, калмыцкую. Проживая их, он неустанно собирал зерна разумного, доброго, вечного – и щедро отдавал. Он пережил возраст акмэ – высшего расцвета духовных сил примерно в конце 60-х - начале 70-х годов прошлого века и вступил в новый возраст акмэ в первом десятилетии XXI столетия.

...Волков возвращается. Возвращается к самому себе. Возвращается из своих «этнопедагогических», «пансофических» странствий духа и физических путешествий тела* во имя исполнения своей миссии на землю обетованную – Чăваш Ен, в свою седьмую – снова чувашскую – биографию. Круг еще не замкнулся.

Если раньше, около полувека тому назад, учение Волкова было достоянием не очень широкого круга посвященных, то теперь оно доступно и студиям высших учебных заведений, и ученикам средней школы. Есть «Введение в этнопедагогику», есть учебник, утвержденный Министерством образования. Идея овладевает массами, как говорил классик. Давайте брать пример с Волкова, брать у него уроки любви к родным, народу, народам-братьям, которые и составляют единое человечество. Как говорил сам Учитель: «Светлые надежды, светлые мечты – это все солнечно...»

---

* Кстати, из всех видов физической культуры он самыми полезными признает четыре: плавание, гребля, лыжи, велосипед.

Атнер П.ХУЗАНГАЙ,